

РАССЕКРЕЧЕННЫЙ ЗУБР

НОВОЕ О Н.В. ТИМОФЕЕВЕ-РЕСОВСКОМ

Готовится к выходу в свет книга “Возвращение Зубра. Следственное дело Тимофеева-Ресовского”. Сама возможность подобной публикации появилась после того, как недавно было рассекречено архивно-следственное дело Николая Владимировича и его сын Андрей Николаевич Тимофеев любезно разрешил использовать материалы “дела” в печати.

Дело состоит из 11 томов и дает представление о различных этапах жизни Тимофеева-Ресовского, в особенности о его пребывании в Германии, где он работал с лета 1925 г. до осени 1945 г. в Институте исследования мозга, и о ходе следствия над ним в 1945–1946 гг. [1]. Оно формировалось в два этапа. С осени 1945 г. до лета 1946 г. возникал первый том. Сюда вошли материалы на Николая Владимировича, а также на проходившего по этому же следственному делу Сергея Романовича Царапкина (1892–1960) – генетика, прибывшего в Германию в 1926 г. и ставшего сотрудником Отдела генетики. Здесь ордера на арест, протоколы обыска и допросов, постановления на продление предварительного следствия, обвинительное заключение, протокол очной ставки, приговор и т.д. Есть в этом томе и протоколы допросов их немецких коллег – К.Г.А. Циммера, Г.И. Борна, А.С. Кача, В. Пютца и других.

Второй этап формирования дела приходится на 1988–1989 гг. Тогда после выхода в свет в двух первых номерах “Нового мира” за 1987 г. великолепной повести Даниила Гранина “Зубр”, где автор осуществил настоящий прорыв в осмыслении жизненного пути и характера своего героя [2], началась острая полемика между друзьями и недругами Тимофеева-Ресовского. Сын ученого, Андрей Николаевич, и девять друзей, учеников и коллег Николая Владимировича 8 августа 1987 г. направили председателю Верховного Суда СССР письмо с просьбой о посмертной реабилитации “крупнейшего ученого в области генетики, биофизики, радиобиологии и биогеоценологии” [1, т. 1, л. 327]. Позднее к ним присоединилось большое число исследователей. Значительная часть этих обращений представлена и в следственном деле [1, т. 2, 11]. Из включенных в него документов ясно видно, что сотрудники следственного отдела КГБ и Главной военной прокуратуры резко отрицательно отнеслись к идее реабилитации. В письме, направленном Е.С. Саканян, которая была одним из инициаторов этой акции, помощ-

ник Главного военного прокурора Н.Л. Анисимов отмечал 27 октября 1989 г.: “Расследованием установлено, что Тимофеев-Ресовский Н.В., будучи гражданином СССР и руководя государственным научно-исследовательским учреждением, лично сам и совместно с подчиненными научными сотрудниками занимался исследованиями, связанными с совершенствованием военной мощи фашистской Германии, ведущей тотальную войну против Советского Союза, чем совершил измену Родине в форме перехода на сторону врага, т.е. преступление, предусмотренное ст. 58-1а УК РСФСР (в редакции 1926 г.). Оснований для поставки вопроса об отмене состоявшегося по делу судебного решения не имеется” [3, с. 766].

Подробное обоснование этого вердикта было дано в “Справке”, подготовленной в следственном отделе КГБ. Она состоит из 28 страниц и соответственно интерпретирует документы следственного дела [1, т. 11, л. 123–150]. В какой-то мере оправдались предостережения Даниила Гранина, который, хотя и подписал одно из обращений группы ленинградцев, скептически относился к попытке добиться реабилитации у тогдашних судебных и силовых структур [3, с. 703, 725, 767]. Реабилитация была осуществлена лишь 23 июня 1992 г., когда изменился общественный строй России [1, т. 1, с. 334–337].

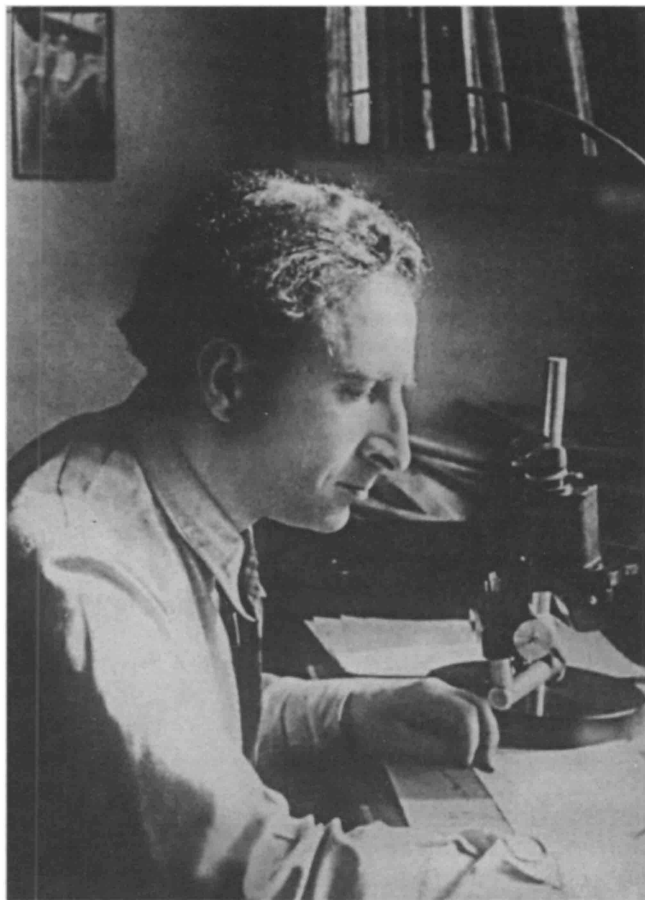
Несмотря на неудачу, попытка реабилитации ученого в конце 80-х годов привела к очень важным результатам. Стремясь опровергнуть нападки на своего учителя, его друзья и соратники собрали немало интересных материалов [2, 3]. С другой стороны, в ходе поиска компрометирующих сведений на Тимофеева-Ресовского поистине титаническую поисковую работу провели сотрудники следственного отдела КГБ. Поиски велись по многим направлениям. В архивах КГБ в различных городах были выявлены протоколы допросов и другие материалы сотрудников Тимофеева-Ресовского, а также участников берлинской подпольной организации сопротивления, в которую входило много наших соотечественников, в том числе его сын Дмитрий. В распоряжении следователей КГБ оказались вывезенные в Москву трофейные материалы об этом институте, его работе, штате, отдельных сотрудниках, месте, которое он занимал в системе научных учреждений Германии, о просветительской деятельности русских эмигрантов в Берлине, в которой принимал

участие и Николай Владимирович. Здесь оказалась и переписка, имевшая непосредственное отношение к ученому. Документы искали во многих местах, в том числе и в архиве МИДа. Были собраны публицистические материалы о нем, появившиеся в нашей стране в 80-х годах.

По просьбе следственного отдела КГБ большую поисковую работу провели в 1988–1989 гг. и сотрудники Министерства государственной безопасности ГДР. Они выявили в архивах Берлина и переправили в Москву большое число документов о Тимофееве-Ресовском, о его жене, сыновьях, о сотрудниках Отдела генетики, о взаимодействиях науки и тогдашних властителей Германии. С помощью Академии наук ГДР анализировалась научная работа Николая Владимировича в Германии, был составлен список его трудов, куда вошли пять книг и 42 статьи. Кстати, эта академия в экспертном заключении пришла к следующему выводу: “Из представленных документов и дополнительно использованных материалов следует, что исследования советского ученого Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского никогда не способствовали сознательно поддержке фашистской диктатуры в Германии и не представляли этой диктатуре средства ведения войны”. В результате всей этой работы, проведенной в Москве и Берлине, следственное дело пополнилось еще 10 томами. Оно превратилось в целый комплекс ценнейших научных документов. Ряд из них был обнаружен в Архиве РАН и берлинском архиве Общества Макса Планка.

В книге “Возвращение Зубра” предусматривается публикация более 220 документальных материалов, которые будут изложены строго хронологически в трех частях. В первую войдут документы с апреля 1925 г. до сентября 1945 г., от времени оформления поездки генетика в Германию до его задержания в Берлине. Здесь будут письма самого ученого и в его адрес, переписка третьих лиц. Читатели узнают много интересного о германском периоде его жизни и научной работы. Во вторую часть будут включены практически все документы предварительного следствия и суда над Тимофеевым-Ресовским и Царапкиным от 13 сентября 1945 г., дня задержания, до 4 июля 1946 г., дня объявления приговора Военной коллегией Верховного Суда СССР. Третью часть составят более поздние источники, в той или иной степени связанные со следствием и реабилитацией.

В книге будут впервые опубликованы примерно 50 неизвестных текстов Тимофеева-Ресовского, а также неопубликованные материалы других видных ученых, в том числе нобелевских лауреатов М. Планка, М. Дельбрюка и Г. Дж. Меллера. Документы повествуют об истории генетики и других научных дисциплинах, о международных научных конгрессах 30-х – начала 40-х годов, об атомном проекте Германии, о видных представи-

Н.В. Тимофеев-Ресовский в Берлин-Бухе. 1940 г.

телей русской эмиграции, с которыми общались Тимофеев-Ресовский и С.Р. Царапкин, о других очень значимых научных и исторических темах.

В публикуемой подборке семь документов. Ее открывают два письма известного немецкого морфолога-невролога Оскара Фогта (1870–1959) от 16 и 25 апреля 1925 г. С 1915 по 1937 г. он был директором Института исследования мозга имени кайзера Вильгельма, участвовал в лечении В.И. Ленина и исследовании его мозга. С 1924 г. он иностранный член-корреспондент АН СССР. В 1925 г., как вспоминал Тимофеев-Ресовский, Фогт обратился к наркому здравоохранения Н.А. Семашко с просьбой “порекомендовать ему русского генетика, по возможности молодого, но все-таки более или менее сформировавшегося... Он собирался у себя в Kaiser Wilhelm Institut’e в Берлине организовать лабораторию, а потом, может быть, целый отдел генетический, так как интересовался рядом генетических проблем, связанных с мозгами всяческими, с высшей нервной деятельностью” [4, с. 187]. Семашко посоветовался с директором Института экспериментальной биологии членом-корреспондентом АН СССР Н.К. Кольцо-

вым, и тот назвал Тимофеева-Ресовского, который отвечал этим требованиям и к тому же хорошо знал немецкий язык [4, с. 187–188]. Публикуемые письма Фогта позволяют впервые дополнить и в чем-то уточнить общие сведения об отъезде ученого в Германию. Из них видно, что приезд первоначально намечался на 15 мая 1925 г. В действительности же это произошло 1 июля 1925 г. Письма показывают, как Фогт в Германии оформлял эту поездку, какими были первоначальные договоренности. Выясняется, что вначале речь шла о нескольких годах работы и что Николай Владимирович должен был привести в Германию биологические материалы для экспериментов. В заключительном абзаце второго письма Фогта говорится о негативном отношении четы Тимофеевых-Ресовских к коммунизму (док. 2). Вряд ли Фогт лукавил. Достоверность его слов подтвердит и ряд других материалов будущей книги.

Письмо лауреата Нобелевской премии 1918 г., выдающегося физика, иностранного члена АН СССР с 1926 г. Макса Планка министру науки, воспитания и народного образования Б. Русту, написанное в конце июля 1936 г., – ходатайство о поездке Тимофеева-Ресовского на международную встречу ученых в Блэкпуле. 25 июля Николай Владимирович послал Планку письмо следующего содержания: «Нижеподписавшийся просит господина президента Общества содействия наукам имени кайзера Вильгельма разрешить ему воспользоваться прилагаемым к письму приглашением (в копии) для поездки в Блэкпул» [1, т. 5, л. 169]. Планк помог добиться у министра разрешения на эту поездку. К этому времени Тимофеев-Ресовский уже обладал неоспоримым научным авторитетом. В следственном деле немало материалов, связанных с его участием в работе международных научных форумов. Наряду с международной конференцией в Блэкпуле, где им был прочитан доклад об эволюции (сентябрь 1936 г.), он побывал на трех международных конгрессах генетиков в Берлине, Итаке (США), Эдинбурге (1927, 1932, 1939), на IV радиологическом конгрессе в Швейцарии (1934), на конгрессе по сравнительной патологии в Италии (1934), на Международном конгрессе по физике, химии и биологии в Париже (1937), где выступил с докладом «Механизм мутаций и структура гена». Уже после встречи с ним в начале 1933 г. академик Н.И. Вавилов считал его крупным генетиком [5, с. 405]. Участие в работе международных форумов, выступления на них с основными докладами, научные труды показывают, что в Германии Тимофеев-Ресовский быстро набирал силу как исследователь и к 1945 г. стал одной из самых значительных научных величин Европы в области экспериментальной и теоретической генетики. Ему довелось на Западе, по сути дела, олицетворять

отечественную научную школу генетиков, которая в нашей стране с середины 30-х годов стала шаг за шагом уничтожаться властью имущими.

Следующие два материала принадлежат перу самого ученого. Его заявление в консульский отдел полпредства СССР в Германии от 5 мая 1937 г. позволяет несколько по-новому взглянуть на его отказ вернуться в СССР. Позднее он вспоминал: «В середине 30-х годов, как раз в 37 году, наконец, догадались меня вызвать в обширное наше Отечество даже через генеральное консульство или полпредство, как тогда называлось. Мы очень хотели вернуться. И хотя знали, что там делается, но все же немного недооценивали. Но нам друзья написали, что возвращаться к нам сюда из-за границы сейчас можно только прямо на тот свет или в лучшем случае, ежели повезет, то в Магадан. Так и билетик брать не в Москву, а в Магадан. И Кольцов через шведов, какими-то окольными путями, мне написал, что ни в коем случае не возвращайтесь. Только всем нам навредите, нам всем будут неприятности... Ну, я поэтому оттягивал, оттягивал, а потом началась война, уже нельзя было возвращаться даже при полном желании. Остался в качестве вражеского иностранца там» [4, с. 345]. А вот что говорила об этом во время допроса жена Николая Владимировича Елена Александровна: «До 1937 года советское консульство в Берлине ежегодно визировало наши паспорта, тем самым нам разрешалось проживать в Германии с сохранением советского гражданства. В 1937 г. советский генеральный консул предложил мужу написать в Москву письмо с просьбой продлить срок нашего пребывания в Германии. Такое письмо было написано и направлено в советские правительственные органы, однако мы ответа не получили, а консульство отказалось регистрировать паспорта. В том же году я и мой муж в полицей-президиуме Берлина получили так называемые «фремден-пасс», т.е. паспорта для иностранцев, и больше в советское консульство не обращались» [1, т. 1, л. 257].

Письмо от 5 мая 1937 г. позволяет конкретизировать и выявить последовательность событий. Вначале было публикуемое письмо с просьбой продлить на год паспорта, затем последовали письмо в Москву, а оттуда – требование вернуться. У Тимофеева-Ресовского выбора не было. Обречь на верную гибель себя, жену и двух детей, жертвовать научными судьбами сотрудников своего отдела он не собирался. В данном случае сталинский режим оказался бессильным. Месть последовала в 1945–1946 гг. Публикуемое письмо интересно и тем, что в нем ученый изложил основные направления своей научной работы в этот период.

Внимание генетиков и историков науки, несомненно, привлечет “Докладная записка о работах с нейтронами и искусственными радиоактивными изотопами” Тимофеева-Ресовского. Эта неизвестная научная работа ученого датирована 7 декабря 1945 г. Она написана в разгар предварительного следствия, однако непосредственного отношения к нему не имеет. В это время, как это видно из многих материалов дела, сотрудники НКГБ собирали информацию о работе ученых Германии с радиоактивными веществами, о наличии там урана, о ее атомном проекте.

По существу, перед нами научный отчет Тимофеева-Ресовского об одной из важнейших сторон своей работы. Здесь речь идет о первоначальном этапе экспериментов с использованием радиоактивных веществ в биологических исследованиях, которые существенно обогатили генетику и в последние десятилетия получили плодотворное развитие в нашей стране и за рубежом [6]. Не исключено, что именно научные изыскания Тимофеева-Ресовского в этой сфере знаний спасли ему жизнь в 1946 г., когда специалистов в области радиационной биологии в Советском Союзе практически не было, а они были очень нужны с начала работ над созданием советской атомной бомбы.

В подборку входит протокол допроса Тимофеева-Ресовского от 16 февраля 1946 г., где говорится о его контактах с соотечественниками, приезжавшими из СССР в Германию. “Тогда, – вспоминал он позднее, – куда бы люди не ехали, все ехали через Берлин” [4, с. 162]. Среди тех, с кем он общался здесь после 1925 г., были такие выдающиеся отечественные исследователи, как В.И. Вернадский, Н.И. Вавилов, Н.К. Кольцов, С.Г. Левит, Г.Д. Карпеченко, П.П. Лазарев, А.С. Серебровский, Г.А. Левитский и многие другие. Из этого протокола видно, что и в Берлине он не ослаблял своих тесных связей с отечественной наукой, оставался ее неотъемлемой частью, внимательно следил за ее развитием, обменивался со своими советскими коллегами научными идеями и работами. В Берлине можно было говорить о научных проблемах без оглядки на осведомителей и без самоцензуры. Интересны также содержащиеся в протоколе допроса сведения о фотографиях выдающихся биологов и генетиков, которые Тимофеев-Ресовский собирал в Германии, отправляя письма в СССР своим друзьям (док. 6). Его сотрудник С.Н. Варшавский вспоминал: «Стены небольшого кабинета Николая Владимировича были увешены портретами русских и советских естествоиспытателей от М.В. Ломоносова, А.Ф. Миделендорфа до Л.С. Берга, Н.А. Северцева, М.А. Мензбира, Н.И. Вавилова, Н.К. Кольцова, Н.П. Дубинина, С.И. Огнева, Б.С. Виноградова и мн. др. Николай Владимирович очень гордился этим иконостасом

(как он его называл). Однажды на мой вопрос он ответил, что “иконостас” сделан для того, чтобы каждый посещающий лабораторию иностранный ученый-биолог мог на “конкретном материале” удостовериться в том, каковы заслуги России в области естествознания, и в частности биологических наук» [7]. Заключительный документ – текст последнего слова ученого на судебном заседании – одно из свидетельств его патриотизма и преданности науке.

В подборке лишь семь документов. Но уже они дают представление о том, что ожидает читателей будущей книги. На нынешний день наиболее исследованы два периода жизни и творчества Н.В. Тимофеева-Ресовского: до 1925 г. и после 1946 г. О германском периоде сохранилось мало источников, а воспоминания, при всей их ценности, не могут их восполнить. Совершенно не исследован ход следствия с 13 сентября 1945 г. до 4 июля 1946 г. У Гранина об этом – лишь один абзац. Книга “Возвращение Зубра. Следственное дело Тимофеева-Ресовского” поможет ликвидировать этот существенный пробел и дать в распоряжение исследователей уникальные документальные материалы для осмысления жизни и творчества одного из самых талантливых российских генетиков, биологов и одной из самых ярких и оригинальных личностей XX века.

*Я.Г. РОКИТЯНСКИЙ,
кандидат исторических наук*

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный архив Федеральной службы безопасности России. № Р-41361.
2. *Гранин Д.А.* Зубр // Новый мир. 1987. № 1, 2.
3. *Саканян Е.С.* Любовь и защита // Тимофеев-Ресовский Н.В. Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами. Приложение. М.: “Согласие”, 2000.
4. *Тимофеев-Ресовский Н.В.* Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами. М.: “Согласие”, 2000.
5. Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. Биографический очерк. Документы. Составители Я.Г. Рокитянский, Ю.Н. Вавилов, В.А. Гончаров. 2-е изд. М.: Academia, 2000.
6. Международная конференция. Проблемы радиационной генетики на рубеже веков. Москва. 20–24 ноября 2000 г. Тезисы докладов. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2000.
7. *Варшавский С.Н.* Воспоминания и мысли // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки, воспоминания, материалы (отв. ред. Н.Н. Воронцов). М.: “Наука”, 1993. С. 104.

СЕМЬ НЕИЗВЕСТНЫХ ДОКУМЕНТОВ

1*

копия
 Институт исследования мозга имени кайзера Вильгельма
 Нейробиологический институт Университета
 Берлин. В 35. 16 апреля 1925 г.
 Магдебургштрассе 16
 В иностранный отдел полиции-президиума

Берлин
 Институт исследования мозга имени кайзера Вильгельма и Нейробиологический институт Университета очень заинтересованы в том, чтобы зоологи Николай Тимофеев-Ресовский, родившийся в 1900 г., проживающий в Москве, и госпожа Е. Тимофеева-Ресовская¹, урожденная Фидлер, родившаяся в 1898 г.^{**}, проживающая в Москве, приехали на несколько лет в упомянутые выше институты, находящиеся в одном помещении, чтобы провести здесь исследования, важные для института.

После моего личного обращения в германское посольство в Москве ходатайствую засим перед иностранным отделом о получении соответствующего разрешения на въезд для них, а также и для их ребенка в возрасте одного года² и прошу передать сообщение об этом в германское посольство в Москве. Преданный Вам нижеподписавшийся просит о том, чтобы и его поставили в известность о принятом решении.

подп. проф. Оскар Фогт.

Директор Института исследования мозга имени кайзера Вильгельма и Нейробиологического института Университета³.

ЦА ФСБ РФ. № Р-41361. Т. 5. Л. 111. Ксерокопия. Машинопись. Перевод с немецкого. Публикуется впервые.

2

Институт исследования мозга имени кайзера Вильгельма
 Нейробиологический институт Университета
 Берлин. В 35. 29 апреля 1925 г.
 Магдебургштрассе 16
 Телефон: Каллендорф № 7725

В Министерство науки, искусства и народного образования

Берлин

* Перевод первых трех документов с немецкого языка Я.Г. Рокитянского. – *Прим. ред.*

** У О. Фогта ошибочно "1899". – *Прим. ред.*

Преданный Вам нижеподписавшийся пригласил на работу с 15 мая 1925 г. в качестве ассистентов в Институт исследования мозга имени кайзера Вильгельма зоологов Николая Тимофеева-Ресовского и госпожу Е. Тимофееву-Ресовскую, урожденную Фидлер, проживающих в настоящее время в Москве. Упомянутые должны выполнить определенные работы в Отделе генетики, для которых они прошли совершенно специфическую подготовку. Они намереваются привезти с собой материал для разведения, который предоставлен для этой цели в распоряжение нижеподписавшегося директором Московского государственного института экспериментальной биологии профессором Кольцовым.

При личной беседе нижеподписавшегося в германском посольстве в Москве ему посоветовали направить запрос для получения разрешения на жительство в здешний иностранный отдел. Так как до сих пор не получен ответ на запрос, сделанный нижеподписавшимся, то он навел соответствующие справки. Ему сообщили, что завтра в Министерство науки, искусства и народного образования для получения разрешения будет направлено ходатайство.

Преданный Вам нижеподписавшийся позволит себе засим выразить просьбу как можно скорее решить этот вопрос.

Преданный Вам нижеподписавшийся хотел бы также еще особо отметить, что два упомянутых выше зоолога являются противниками коммунизма.

Фогт,

директор Института исследования мозга имени кайзера Вильгельма и Нейробиологического института Университета.

ЦА ФСБ РФ. № Р-41361. Т. 5. Л. 115–116. Ксерокопия. Машинопись. Подпись-автограф. Перевод с немецкого. Публикуется впервые.

3

Макс Планк – Б. Русту
 28 или 29 июля 1936 г.^{***}

Президент Общества содействия наукам имени кайзера Вильгельма

Берлин Ц. 2 193_
 Замок. Портал III
 Телефон: Управление. Ц. 1 Беролина 5931
 Телеграф[ный] адрес: Замок Миневеры

Берлин.

*** Письмо не датировано. Оно пришло в Министерство науки, воспитания и народного образования Германии 30 июля 1936 г. – *Прим. ред.*

Der Präsident
der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft
zur Förderung der Wissenschaften Willk 215636

Berlin G 2, den 2 1936
Schloß, Portal III
Telephon: Amt G 1 Berolina 5931
Telegr.-Anschr.: Willemsplatz Berlin

Ministerium
1936 JUL 1936 428

2. Aufl.
B 30. JUL

1. Hing.
Gundacker 2135²⁶
Kalk-

AK: Gumpert (WT)
C. 48.

Aug. bes.
M. 78

Planck

Dem Herrn Reichs- und Preussischen Minister für
Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung übermittele
ich in der Anlage ein von dem Kommissarischen Direk-
tor des Kaiser Wilhelm-Instituts für Hirnforschung
in Berlin-Buch weitergeleitetes Gesuch des Abteil-
ungsleiters des genannten Instituts N. Timoféeff
und bitte, diesem die Genehmigung zur Teilnahme
an der vom 9. bis 16. September ds. Jrs. in Black-
pool stattfindenden Jahressitzung der "British
Association For The Advancement Of Science" zu
erteilen.

An den
Herrn Reichs- und Preussischen
Minister für Wissenschaft, Erziehung
und Volksbildung.

Berlin W 8.
Unter den Linden 4.

Факсимиле письма М. Планка Б. Русту. Конец июля 1936 г.

Господину имперскому и прусскому министру
науки, воспитания и народного образования я пе-
редаю это прошение, пересланное исполняющим
обязанности директора Института исследования
мозга имени кайзера Вильгельма в Берлин - Бухе.
Прошение исходит от руководителя отдела этого
института Н. Тимофеева. Прошу разрешить ему
участвовать в работе ежегодного собрания "Бри-
танского общества содействия науке", которое
пройдет с 9 по 16 сентября сего года в Блэкпуле.

Планк.

Господину имперскому и прусскому министру
науки, воспитания и народного образования.

Берлин Б 8.
Унтер ден Линден 4⁴.

ЦА ФСБ РФ. № Р-41361. Т. 5. Л. 162. Ксероко-
пия подлинника. Машинопись на бланке. Под-
пись-автограф. Перевод с немецкого. Публикует-
ся впервые.

4

В Консульский отдел
Полпредства СССР в Германии

Николая Владимировича Тимофеева
(Berlin-Buch. K.W. Inst[itut] Hirnforschung)*

* Берлин-Бух. Институт исследования мозга имени кайзера
Вильгельма. - Прим. ред.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу о продлении мне и жене моей, Елене Александровне Тимофеевой, паспортов сроком на один год.

Мое возвращение в СССР в течение этого года невозможно в связи с ходом моих научных работ. Заведуя Отделом генетики Института мозга, я не имею возможности прервать, и тем самым оставить незаконченными, целый ряд исследований, рассчитанных на продолжительный срок и связанных со значительной технической и аппаративной организацией. Кроме того, я связан служебным контрактом, а главное – моральной ответственностью за научную работу ряда сотрудников. Внезапный отъезд означал бы не только потерю для меня лично ряда начатых и успешно развивающихся опытов, но также возникновению трудно-восстановимого пробела в проводимом мною совместно с физиками биофизическом анализе проблемы мутаций (изменений наследственных факторов). В течение ближайшего года мною также будут заканчиваться и подводиться итоги многолетних опытов по генетическому анализу географической изменчивости.

Поэтому прошу о дальнейшем продлении паспортов мне и моей жене.

Тимофеев

Берлин-Бух, 5/V–1937 г.

ЦА ФСБ РФ. № Р = 41361. Т. 10. Л. 171. Машинописная копия. Публикуется впервые.

5

Н.В. Тимофеев-Ресовский

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА О РАБОТАХ С НЕЙТРОНАМИ И ИСКУССТВЕННО-РАДИОАКТИВНЫМИ ИЗОТОПАМИ

1. НАЧАЛО И ЦЕЛЬ РАБОТЫ С НЕЙТРОНАМИ

В моем институте в Берлин-Бухе первые опыты по установке небольшого нейтронного генератора были начаты в 1936–1937 гг. с физиком РОМПЕ⁵ и ЙЕКЕЛЕМ. Они не увенчались успехом. В 1938 г. мой сотрудник – физик ЦИММЕР⁶ отправился на несколько месяцев в Эйнховен (Голландия) в лабораторию заводов ФИЛИППСА, где он ознакомился с нейтронным генератором системы ФИЛИППСА, разработав основы дозиметрии нейтронов и произвел первые облучения мух-дрозофил нейтронами. В 1938–1939 гг. небольшой нейтронный генератор системы ФИЛИППСА был установлен у меня в лаборатории и в дальнейшем работы производились с ним мною и моими сотрудниками: физиком ЦИММЕ-

РОМ, радиохимиком БОРНОМ и биологами КАЧЕМ⁷, моей женой и КАНЕЛЛИСОМ (иногда с привлечением биохимика ШРАММА и ботаника ЛАНГА из Далема).

Целью наших работ с нейтронами было:

1. Их непосредственное применение для облучения, для сравнения биологических действий, образуемых ими густо ионизирующих протонов с рентгеновскими лучами, – и

2. Получение искусственно-радиоактивных изотопов для точного и количественного прослеживания судьбы введенных в организм химических элементов в обмене веществ и их проникновения в различные ткани и органы.

2. ДОЗИМЕТРИЯ И НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙТРОНОВ ДЛЯ ОБЛУЧЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

ЦИММЕРОМ была разработана дозиметрия нейтронов (ионизационные камеры из “аэриона”) в “R”-единицах (т.е. тех же, в которых измеряется доза рентгена); это позволило точно сравнивать дозы, а благодаря этому и действие нейтронов и рентгеновских лучей.

Опыты по действию нейтронов на элементарные биологические структуры и фотохимические реакции показали, что в этих случаях (напр. гены и мутации), в которых по нашей теории требуется одно “попадание” (ионизация атома) – в согласии с теорией – нейтроны обладают меньшим действием, чем рентгеновские лучи. В некоторых сложных биологических реакциях, требующих энергии многих попаданий, их действие может быть больше.

Было проверено распределение “глубинных доз” нейтронов, показавшее, что их действие в глубине тканей не может быть относительно много большим, чем действие рентгеновских лучей.

Ожидать таким образом относительно более сильного действия в глубине тканей организма (напр. с целью терапии опухолей) можно только, в согласии с теорией, от применения сверхжестких гамма-лучей, получающихся в “реотронах” при напряжениях выше 20 миллионов вольт.

Опыты по сравнению тотального облучения многоклеточных организмов (рыб, мышей, мух) нейтронами и рентгеновскими лучами еще не закончены.

3. МЕТОД РАДИОАКТИВНЫХ ИНДИКАТОРОВ

Химические вещества, участвующие в реакциях или введенные в организм в ничтожных концентрациях, обычно не поддаются точному количественному анализу из-за сравнительной “грубости” методов химического анализа. Радиоактивные элементы улавливаются физическими методами (счетной трубкой) в количествах в несколько ты-

сяч раз меньших, чем те, которые могут быть установлены самыми точными микрохимическими методами.

Бомбардировкой нейтронами можно получить радиоактивные изотопы почти всех химических элементов (при наличии достаточно мощного нейтронного генератора) и использовать таким образом эти “маркированные” или “индуцированные” изотопы для точного анализа ничтожно малых концентраций соответствующих химических элементов и судьбы элементов, введенных в реакцию или в организм извне. Такое использование радиоактивных изотопов носит название “метода радиоактивных индикаторов”. Границы применения этого метода определяются в значительной мере возможностью получения, отделения и концентрации соответствующих радиоактивных изотопов, что требует применения особых методов радиохимии (одним из наиболее талантливых и знающих радиохимиков является мой сотрудник БОРН).

“Метод радиоактивных индикаторов” имеет большое будущее и может в принципе применяться в различных контрольных реакциях, реакция химического обмена, для ряда технических целей и в биологии для изучения проникновения химических веществ в организмы и их распределения в них.

Нас интересовало проникновение различных химических элементов в гонады (половые железы) и в ядра клеток, в связи с возможностью применения и тех или иных химических элементов для химических воздействий на мутационный процесс (получение наследственных изменений у растений и животных), а также “маркирования” некоторых элементарных биологических структур (напр. хромосом и вирусов) для изучения их дупликации (размножения). В связи с этим и были предприняты работы по изучению распределения химических элементов в организме, пользуясь “методами радиоактивных индикаторов”. При этом были произведены некоторые опыты, относящиеся к категории химических и технических применений этого метода. В выборе химических элементов мы были ограничены малой мощностью нашего нейтронного генератора.

4. РАЗЛИЧНЫЕ ПРИМЕНЕНИЯ “МЕТОДА РАДИОАКТИВНЫХ ИНДИКАТОРОВ”

а) *Технические*: По просьбе “Акц. Общества Ауэр”⁸ (в Берлине) нами (ЦИММЕРОМ и БОРНОМ) были проведены (и опубликованы) опыты по проверке проникновения аэрозолей через ряд слоев фильтра газовых масок⁹. В соответствующий аэрозоль вводился фосфор, содержащий определенный процент (ничтожный) радиофосфора; этот аэрозоль пропусклся через ряд слоев фильтра; эти слои изучались под счетной трубкой на радиоактивность, и таким образом легко и аб-

солютно точно определялось проникновение аэрозоля через различные слои фильтра.

Таким же, в принципе, методом можно легко, просто и количественно точно определять проникновение газов, аэрозолей и жидкостей в целом ряде случаев в технике, индустрии, производстве, военном деле и т.д., через фильтры слоев различных веществ, в газообразной, жидкой и твердой среде. Частности применения этого метода зависят от специфики соответствующей технической задачи. Мы дальнейшими работами в этом направлении пока не занимались, за исключением обсуждения и подготовки опытов (совместно с моим сотрудником физиком РОМПЕ) по изучению диффузии в твердой фазе (дифундирования веществ в кристаллах), интересовавших нас в связи с вопросами о структуре кристаллов и миграции энергии в них.

б) *Химические*. Нами (БОРНОМ, ШРАММОМ и ЛАНГОМ) был изучен химический обмен фосфора в нуклеиновой кислоте табачного вируса. Чистый, неактивный вирус держался в растворе фосфатов, содержащих радиофосфор и затем под счетной трубкой проверялась его радиоактивность; а также, вирус, содержащий радиофосфор, держался в растворе неактивных фосфатов, и затем проверялась радиоактивность фосфатов. Обмена фосфором между нуклеиновыми кислотами и средой обнаружено не было, что указывает на крепкую структурную связь фосфора с вирусом.

Таким же, в принципе, методом можно точно и просто изучать ничтожные количества химического обмена в любых реакциях, в которых участвуют химические элементы, от которых можно получать радиоактивные изотопы, а также обмен между любыми сложными структурами и средой. Частности зависят от специфики химической или технологической задачи. Нами обсуждались, но не проведены еще дальнейшие опыты с вирусами по обмену серы, азота, а также обмену в вирусе между химически близкими элементами. Цель этих опытов – анализ структуры молекулы вируса (нуклеопротеида).

По-видимому, целый ряд контрольных реакций в химии и производстве может с успехом быть “маркирован” радиоактивными изотопами. Частности, зависящие в каждом данном случае от постановки вопроса, нами не обсуждались и выходят за пределы нашей компетенции.

в) *Биологические*. В связи с задачей выбора химических факторов воздействия на мутационный процесс нами изучалось распределение химических элементов, введенных в организм (мух, мышей и крыс), по разным органам и тканям для определения тех из них, которые в достаточном количестве проникают в гонады. Пока изучены: хлор, фосфор, свинец, мышьяк, марганец и йод.

Выбор элементов определялся получением, отделением и концентрацией их радиоактивных изотопов нашими ограниченными средствами (маломощный нейтронный генератор, неразработанность радиохимической методики).

Существенное накопление в гонадах установлено пока для мышьяка и йода.

Опыты очень просты: соответствующий изотоп вводится йодоопытным животным скармливанием или инъекцией; животные убиваются через различные промежутки времени. Взвешенные пробы различных организмов и тканей исследуются на радиоактивность под счетной трубкой, и таким путем определяется распределение данного химического элемента в обмене веществ во времени и в пространстве.

Подобные опыты, в частности отличающиеся в зависимости от постановки вопроса, сыграют большую роль в различных областях физиологии, фармакологии и патологии. Таким путем можно, например, изучать распределение и судьбу лекарственных веществ и ядов, как в организме вообще, так и детально в пределах отдельных органов. Можно специально изучать проникновение определенных веществ в определенную биологическую структуру. Нас интересовало в особенности проникновение химических элементов в ядра клеток и в хромосомы клеточных ядер. Изучить это можно, используя гигантские ядра клеток слюнных желез мух, поддающихся препаровке под микроскопом. Проникновение тория и йода в ядра уже удалось установить; весьма же трудоемкие опыты с хромосомами еще не закончены.

В связи с этими опытами возникает вопрос о возможности “облучения изнутри” определенных органов, путем введения в них радиоактивного изотопа, именно в них накапливающегося. Это было бы небезынтересно в связи с некоторыми проблемами радиотерапии. По-видимому, это в принципе (при наличии достаточного количества соотв. радиоизотопа) в некоторых случаях в будущем будет возможно; радиойод, например, по-видимому, накапливается при известных условиях, в щитовидной железе, а торий в цереброспинальной жидкости.

Подымавшийся неоднократно вопрос о возможности “активации” ядов и вообще физиологического действия различных химических элементов при применении искусственно радиоактивных изотопов надо пока считать нерешенным; в общей форме, по отношению ко всем элементам, такой “активации” ожидать не следует (она возможна только в отдельных случаях); кроме того, применяемые до сих пор количества искусственных радиоактивных изотопов столь ничтожны, что такое действие их практически пока маловероятно. Путь решения этого вопроса – изучение

комбинированного действия слабых доз рентгена и радия с химическими факторами.

Другой обширной областью биологических применений искусственных радиоактивных изотопов является их использование для изучения скорости циркуляции жидкостей в организме и скорости и направления обмена между определенными структурными элементами тканей и их средой (тканевой).

Мы изучали, например, скорость обращения крови в круге кровообращения животных и человека путем инъекции какого-либо радиоактивного изотопа в вену одной конечности (напр. левой руки) и установления момента появления активности во взятых через промежутки в несколько секунд пробах крови из соответствующей вены другой конечности (напр. правой руки). Таким способом можно абсолютно точно установить как максимальную скорость круга кровообращения, так и среднюю скорость обращения и распределения всей массы крови. Этим простым, быстрым и весьма точным методом можно проводить сравнительное изучение кровообращения при различных нормальных и патологических условиях, а также у различных организмов.

Пользуясь радиофосфором, мы начали изучение скорости обмена фосфора между костным мозгом и кровью и между кровяными тельцами и кровяной плазмой. В зависимости от специфики тех или иных физиологических, патологических и фармакологических задач возможно проведение большого числа различных, но в принципе сходных, точных опытов с применением “метода радиоактивных индикаторов”.

Можно, наконец, применять радиоактивные изотопы с целью “маркирования” определенных элементарных биологических структур для их специального излучения. Нам удалось “маркировать” молекулы вируса мозаичной болезни табака, введя в них атомы радиофосфора. Как уже было указано раньше (стр. 4), обмена фосфором между вирусом и средой не происходит; поэтому пришлось воспользоваться “биологическим” методом; растения табака выращивались на фосфатах, содержащих радиофосфор, и поэтому сами содержали радиофосфор; эти растения заражались вирусом, и он, размножаясь в них, строил свой белок частично с радиофосфором. Из таких зараженных растений очищался путем химич. фракционирования (ультрацентрифугой) “радиоактивный” вирус. Измерением под счетной трубкой сравнивалась активность вируса и разных молекулярных фаз (крупномолекулярной, средней и мелкомолекулярной) растения; при этом оказалось, что активность вируса точно соответствует таковой крупномолекулярной фазы растения. Из этого надо сделать вывод, что вирус при своем размножении (т.е. для построения себе подобных

молекул нуклеопротеида) использует крупномолекулярные белки растения-хозяина. Это является в высшей степени интересным указанием для построения теории механизма конвариантной редупликации (“размножения”) гигантских молекул, а также существенным пунктом при объяснении специфичности вируса и бактерий, т.е. их паразитизма только в одном или немногих близких видах организмов-хозяев.

Эти опыты весьма важные и интересные для разрешения фундаментальной проблемы биологии, биохимии и биофизики – вопроса о механизме редупликации гигантских молекул, т.е. механизме “размножения” элементарных биологических структур – планированы по отношению к дальнейшему изучению как фосфора, так и серы и некоторых других элементов в вирусе.

В принципе сходные опыты мыслимы и по отношению к некоторым другим элементарным биологическим структурам, например, фагам, хромосомам и, отчасти, бактериям.

5. РАБОТЫ ЦИММЕРА И БОРНА, НЕ СВЯЗАННЫЕ С МОИМ ИНСТИТУТОМ

Мой сотрудник физик Карл ЦИММЕР был частично служебно связан с АКЦ. ОБЩЕСТВОМ АУЭР, где работал в научном отделе (директором которого был Н. РИЛЬ)¹⁰. Насколько мне известно, АКЦ. ОБЩЕСТВО АУЭР поставляло уран в блоках разной величины и формы для лабораторий (гл. обр. физика ХЕЙЗЕНБЕРГА¹¹ и его группы в Хехингене близ Тюбингена в Вюртемберге), проводивших опыты в связи с работами над “атомной бомбой”. В самих опытах ЦИММЕР (и РИЛЬ) участия не принимали. Экспериментально ЦИММЕР там работал над сплавами урана и по усовершенствованию рентгеновских экранов и дозиметрии радия. В связи с коммерческими интересами АКЦ. ОБЩЕСТВА АУЭР им велись опыты по изучению возможности применения искусственных радиоактивных изотопов для активации светящихся красок.

Мой сотрудник радиохимик Ганс БОРН оставался частично связанным со своим учителем, знаменитым радиохимиком Отто ХАНОМ (директором Химического института им. Кайзера Вильгельма в Берлин-Далеме). Совместно с ним он вел работу по получению, отделению и концентрации различных искусственных радиоактивных изотопов, получающихся при распадении урана в результате бомбардировки нейтронами. Часть этих опытов (с йодом, бором и бромом) велась частично в моей лаборатории, так как соответствующие изотопы представляли интерес для наших вышеописанных биологических опытов.

6. ГЕРМАНСКИЕ ЛАБОРАТОРИИ, В КОТОРЫХ РАБОТАЛИ ИЛИ ПРЕДПОЛАГАЛИ РАБОТАТЬ С “ИСКУССТВЕННЫМИ РАДИОАКТИВНЫМИ ИЗОТОПАМИ”

Нейтронных генераторов, хотя бы частично функционировавших, в Германии было только четыре: у МАНФРЕДА АРДЕННА в Берлине, в Физическом К. Вильгельм институте в Берлин-Далеме, у БОТЕ в Гейдельберге и (с 1944 г.) в физической лаборатории почты в Цейтене близ Берлина. Серьезная научная работа (по физике атомных ядер) велась только в Далеме группами ХЕЙЗЕНБЕРГА и ХАНА (по распаду урана) и БОТЕ в Гейдельберге (тоже преимущественно по урану). Нейтронный генератор почты использовался разными институтами, желавшими получить радиоактивные изотопы или произвести облучение нейтронами (в частности, и мы там облучали мух и крыс, когда нужны были дозы, слишком большие для нашего маломощного нейтронного генератора). Работы по отделению и методам концентрации искусственных радиоактивных изотопов велись главным образом в институте ХАНА в Далеме. Биологические опыты в мало-мальски широком масштабе нигде, кроме нашей лаборатории, не велись.

В проекте была установка нейтронных генераторов средней мощности (но самых мощных в Германии): второго в лаборатории почты в Цейтене и у РАЕВСКОГО¹² в биофизическом институте во Франкфурте на Майне. У РАЕВСКОГО, несомненно, предполагалась и биологическая работа с искусственными радиоактивными изотопами (по всей вероятности, в связи с его работами по влиянию слабых доз альфа-частиц на организм животных); но установка генератора, насколько мне известно, далеко не была закончена.

ТИМОФЕЕВ-РЕСОВСКИЙ

Москва, 7.XII.45 г.

ЦА ФСБ РФ. № Р-41361. Т. 3. Л. Л. 293–301. Подлинник. Машинопись. Правка более 30 опечаток сделана Н.В. Тимофеевым-Ресовским фиолетовыми чернилами. Публикуется впервые.

6

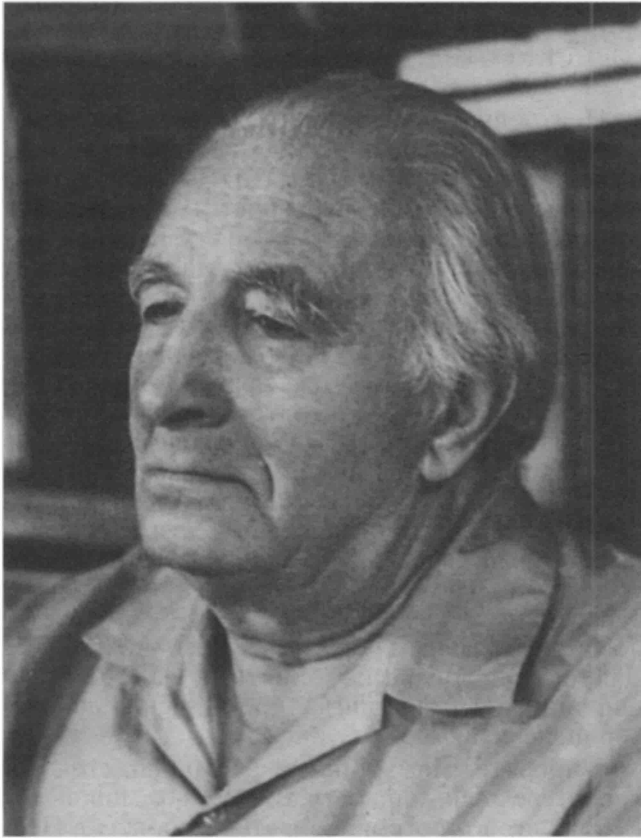
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА АРЕСТОВАННОГО ТИМОФЕЕВА-РЕСОВСКОГО НИКОЛАЯ ВЛАДИМИРОВИЧА

от 16 февраля 1946 г.

Тимофеев-Ресовский Н.В., 1900 года рождения. урож. гор. Москвы, русский, гр-н СССР, беспартийный, с высшим образованием, б. директор НИИ Института генетики и биофизики гор. Берлин-Бух.

Допрос начат в 21.15.

Окончен в 1.20.

Н.В. Тимофеев-Ресовский. Конец 70-х годов

Вопрос: Кто из числа граждан Советского Союза, приезжавших до 1941 года в Германию, имел с вами встречи и на почве чего?

Ответ: Из числа советских граждан, приезжавших из Советского Союза в Германию, в связи с научными командировками я виделся с многими, но это имело место только до 1937 года. После 1937 года и до начала Отечественной войны 1941 года мне ни с кем из граждан Советского Союза, приезжавших в Германию, встречаться не приходилось.

Встречи происходили на почве личного знакомства, а также по научной работе.

Вопрос: С кем вы виделись из советских граждан, приезжавших в Германию до 1933 года?

Ответ: В период 1928–32 года в научной командировке при Институте мозга Берлин-Бух находились быв. научные сотрудники Московского института мозга:

Чернышев (имя и отчество не помню), Филимонов (имя и отчество не помню), Станкевич Идалия Антоновна, Саркизов Семен Александрович и Попов Николай Семенович. Последний поездом из СССР в Париж в 1935 году на несколько часов остановился в Берлине и заходил ко мне на квартиру, чтобы повидаться.

С вышеназванными лицами мне за время их нахождения в Германии в научной командировке при Институте мозга и приходилось иметь общение как по научной работе, так и личного порядка. Все эти лица, пробыв срок командировки до 1932 года, вернулись на работу в СССР.

Вопрос: С кем еще до 1933 г. встречались в Германии?

Ответ: До этого времени мне еще приходилось встречаться в Германии с приезжавшими из СССР в служебные научные командировки с Корейша Леонидом Александровичем – профессором хирургии Московского госуниверситета.

Левит Соломоном Григорьевичем – б. директором Медико-биологического института гор. Москвы¹³.

Кольцовым Николаем Константиновичем – б. директором Института экспериментальной биологии¹⁴.

Гурвичем Александром Гавриловичем – профессором, быв. научным работником ВИЭМ.

Вернадским Владимиром Ивановичем – академиком¹⁵.

Лазаревым Петром Петровичем – директором института биофизики гор. Москвы¹⁶.

Самойловым (имя и отчество не помню) – профессором физиологии Казанского университета.

Вавиловым Николаем Ивановичем – директором ВИР гор. Ленинграда¹⁷.

Владимирским Александром Петровичем – профессором экспериментальной зоологии гор. Ленинграда.

Алпатовым Владимиром Владимировичем – профессором Московского государственного университета.

Стрелиным (имя не знаю) – научный сотрудник Ленинградского университета.

Филипченко Юрием Александровичем – профессором экспериментальной зоологии и генетики Ленинградского университета¹⁸.

Чубиношвили (имя не знаю) – научный сотрудник Тифлисского университета.

Кан Иосифом Львовичем – профессором физиологии Московского госуниверситета.

Роскиным Григорием Иосифовичем – профессором зоологии и гистологии МГУ.

Танцевым (имя не помню) – профессором Томского университета.

Штуцер Михаилу Ивановичем – профессором бактериологии Киевского университета.

Карпеченко Георгием Дмитриевичем – заведующим генетическим отделом ВИР'а – г. Пушкин¹⁹.

Левитским Григорием Андреевичем – заведующим Цитологическим отделом ВИР'а²⁰.

Кроме того, в г. Берлин в служебную командировку приезжал из г. Ленинграда мой родной брат Владимир Владимирович Тимофеев, работавший в Ленинграде директором какой-то кинофабрики. Был он в Берлине в 1929 или 1930 году²¹.

В 1932 году в г. Берлин, в научную командировку при Институте мозга (Берлин-Бух) приезжала из Москвы моя родная сестра Вера Владимировна Пономарева – лаборантка Московского института мозга²².

Возможно, кто-то еще приезжал до 1933 г., но я уже не помню.

Вопрос: Кто приезжал из СССР в Германию после 1933 года?

Ответ: Приезжали после 1933 года в Германию в служебные и научные командировки, с которыми мне приходилось встречаться, это следующие лица:

Богомолец (имя не помню), Марценовский (имя не помню), Федоров (имя не помню) – крупный хирург, Полладин (имя не помню) – профессорами-медиками, приезжавшими в 1933 году в г. Берлин для прочтения лекций по научным медицинским вопросам.

В 1934 году виделся в Берлине с приезжавшим из Москвы Серебровским Александром Сергеевичем – профессором генетики МГУ и с приезжавшим через Берлин из Америки в Москву членом-президентом Академии наук Белоруссии Жебрак (имя не помню)²³.

В 1936 или 1937 году виделся в г. Берлине с директором института неврологии г. Москвы Гращенковым Николаем Ивановичем²⁴.

Вопрос: С кем из числа названных вами лиц поддерживали связь, то в чем она была выражена?

Ответ: До середины тридцатых годов я имел не регулярную письменную связь с Вавиловым Н.И. и Карпеченко. До 1940 года с Кольцовым Н.К.

До 1939 г. имел переписку с сестрой Пономаревой В.В., примерно в 1930 году писал Вернадскому В.И. и Алпатову.

Кроме того, в разное время (до войны) я посылал оттиски по некоторым своим научным работам, а в частности: Вавилову, Карпеченко, Владимировскому, Кольцову, Левитскому, Серебровскому, Попову, Левиту и Вернадскому. В свою очередь, я получал и от них оттиски с научными работами. Делалось это в порядке обмена опытом в научной работе.

Вопрос: Кто из лиц, встречавшихся с вами в Берлине, информировал вас по вопросам политического и экономического положения в СССР и в каком свете представлялась ими советская действительность?

Ответ: Из числа лиц, приезжавших в Германию, с которыми приходилось видеться, я был в дружеских отношениях это с – Вавиловым, Сереб-

ровским, Карпеченко, Поповым, Кольцовым, но никто из них мне о Советском Союзе ничего отрицательного не говорил.

Вопрос: Охарактеризуйте этих лиц с политической стороны?

Ответ: Вавилова, Серебровского, Карпеченко, Попова я знал как честных советских граждан, отдававших себя и свои научные работы для советской страны. Кольцов, как старый интеллигент, хотя к событиям и относился с недоверием*, но к Советской власти относился лояльно и работал для науки. Кроме того, Кольцов выражал свое недовольство тем, что, якобы, со стороны Советской власти к старой интеллигенции не проявляется доверия.

Вопрос: Кто из числа лиц, встречавшихся с вами в Германии, давал информации относительно СССР, заслуживавшие внимание разведывательных органов и что из сообщенного вы передавали немцам?

Ответ: подобных информации мне никто не делал и вообще, что говорили мои друзья из СССР, я немцам не передавал.

Вопрос: Назовите лиц, с которыми имели переписку?

Ответ: До войны, вернее перед самой военной Германии с СССР, мною были посланы по одному письму: научному сотруднику института цитологии Академии наук Дубинину Николаю Петровичу²⁵ и Штейману Борису Карловичу (отчество не точно) – научному сотруднику Зоологического института гор. Ленинграда. В своих письмах я просил их выслать мне фотографии ученых зоологов Советского Союза.

Вопрос: Для какой цели вам потребовались фотографии этих лиц?

Ответ: Я имею собственную коллекцию с фотографиями ученых и для ее пополнения новыми лицами просил выслать имеющиеся у них фотографии коллег по научной работе.

Вопрос: Дубининым и Штейманом были высланы просимые вами фотографии, то на кого именно?

Ответ: В связи с войной я от них ответа на свои письма не получил и просимые фотографии высланы ими не были.

Вопрос: Чьи фотографии Дубинин и Штейман должны были выслать?

Ответ: Штеймана я просил выслать фотографии ленинградских зоологов: Тугаринова, Шульпина, Берга²⁶, Вернадского, Зернова и др. (фамилии забыл), а также лично его.

* Далее тщательно зачеркнуто “и не верил успехам Советского строительства”. Справа на полях пометка: “Зачеркнутое не считать – Н. Тимофеев-Ресовский”. – Ред.

Дубинина я просил выслать фотографии московских зоологов – Промтова²⁷, Филатова²⁸, Огнева²⁹, Матвеева³⁰, Зенкевича³¹, Алпатова и др.

Вопрос: А не требовались фотографии русских научных работников и ученых – для органов немецкой разведки?

Ответ: Фотографии указанных выше лиц мне нужны были для личной коллекции. Повторяю, что я к немецкой разведке причастен не был и ее заданий не выполнял.

Вопрос: В настоящем протоколе допроса вами названы ряд лиц, с которыми встречались в Германии и имели переписку. Скажите, кто из названных вами лиц являлись противниками советского строя и кто из них вел преступную работу против Советской власти?

Ответ: Из числа названных мною лиц, с которыми я был хорошо знаком, являются следующие: Кольцов Н.К., Вавилов Н.И., Карпеченко Г.Д., Серебровский А.С., Попов Н.С., Станкевич И.А., Саркизов С.А., Корейша Л.А., Алпатов В.В., Роскин³², Гращенков Н.И., Владимирский А.П., Промтов А.И., Филатов, но эти лица не являлись противниками советского строя. Они также в беседах со мной ничего враждебного против Советской власти не высказывали и мне неизвестны факты какой-либо враждебной работы против СССР.

Другие названные мною лица мне мало известны и ничего о них показать (в разрезе поставленного вопроса) не могу. Если с кем-либо встречался в Берлине, то встречи были чисто случайного характера и с ними приходилось беседовать только на общие темы.

Протокол мною прочитан, ответы на вопросы с моих слов записаны верно:

Н. Тимофеев-Ресовский.

Допросил: ст. следов. XI Отдела 2 Управл. НКГБ СССР майор

В.А. Гарбузов.

ЦА ФСБ РФ. № Р-41361. Т. 1. Л. 82–86. Подлинник. Рукописный текст, фиолетовые чернила. Л. 75–81 – машинопись с карандашными отчеркиваниями и подчеркиваниями. Публикуется впервые.

7

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАКРЫТОГО
ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР. 4 ИЮЛЯ 1946 г.

...Представлено последнее слово подсудимым, которые сказали:

1. *Подсудимый ТИМОФЕЕВ-РЕСОВСКИЙ.* – Я должен признать, что неправильно поступил в 1937 году, когда остался в Германии. Когда я ехал на работу в Германию, я был горд этим, горд, что кончилось время, когда только немцы приезжали к нам, а не мы к ним. Благодаря своей политической безграмотности я оказался в таком положении. Я не был 100 процентным советским человеком, но не был и антисоветским. Мне казалось, что в СССР нет достаточной свободы личности. Это я и болтал. Совет КОЛЬЦОВА заставил меня убоиться вернуться в СССР, я отказался от возвращения на Родину, при чем, не осознавая, что этим я совершаю более тяжкое преступление.

Я совершил тяжкое преступление перед Родиной, но прошу о снисхождении именно в том смысле, что в момент совершения этого преступления я не уяснял себе его тяжести. В Германии я потерял сына, по-видимому, замученного в лагере³³. Я любил свою Родину и ничего против нее не совершал. Прошу, если возможно, дать мне возможность закончить свои труды и сдать их Академии наук СССР, и после этого я согласен отбывать любое наказание, которое мне будет определено судом.

ЦА ФСБ РФ. № Р-41361. Т. 1. Л. 320–321. Подлинник. Машинописный экземпляр, заверенный подписью и черной круглой печатью с надписью: “Военная коллегия Верховного Суда СССР”. Публикуется впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тимофеева-Ресовская (Фидлер) Елена Александровна (1898–1973) – биолог.

² Тимофеев-Ресовский Дмитрий Николаевич (1923–1945).

³ Это письмо было переслано полицией-президентом Берлина министру науки, искусства и народного образования Германии с просьбой сообщить, имеется ли “немецкий научный интерес” к предложению Фогта. ЦА ФСБ России. № Р-41361. Т. 5. Л. 112. 9 мая 1925 г. министр отправил ответное письмо, в котором отметил наличие этого интереса. Там же. Л. 113–114.

⁴ Положительный ответ на письмо М. Планка был дан 14 мая 1936 г. Там же. Л. 165–166.

⁵ Ромпе Роберт (Ролан Романович) – немецкий биофизик, член Академии наук ГДР, друг Тимофеева-Ресовского.

⁶ Циммер Карл Гюнтер Артур (1912–1988) – физик, после 1945 г. работал в СССР, затем директор биологического сектора Атомного института в ФРГ.

⁷ Борн Ганс-Иоахим (1909–1987) – радиационный химик; Кач Александр Сергеевич (1913–?) – биолог, после войны работал в СССР, позднее директор биологического сектора Атомного института в ФРГ.

⁸ “Акционерное общество Ауэр” – одна из самых известных фирм в Берлине, которая занималась переработкой редкоземельных элементов. В ее Центральной лаборатории осуществлялось производство урана.

⁹ См. К. Zimmer, H.J. Born. Untersuchungen an Schwebstoff-Filtern mittels radioaktiver Stoffe // Die Gasmasken. 1940. Jg. 12. S. 25–30.

¹⁰ Риль Николаус (Николай Васильевич) (1901–1991) – немецкий физик и радиохимик, после войны около 10 лет работал в СССР.

¹¹ Гейзенберг (Хейзенберг) Вернер Карл (1901–1976) – немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики.

¹² Раевский Борис Николаевич – немецкий физик, директор Биологического института в Берлин-Далеме.

¹³ Левит С.Г. (1894–1938) – медик, физиолог, генетик, директор Медико-генетического института, репрессирован, расстрелян.

¹⁴ Кольцов Н.К. (1872–1940) – биолог, член-корреспондент с 1916 г. Тимофеев-Ресовский вспоминал: “Кольцов до 30 года часто ездил в заграничные командировки, сравнительно часто, в среднем три раза в два года... И Кольцов всегда проводил много времени с нами, иногда у нас прямо в Берлине. И там-то уж он и не начальник был, он был совершенно равный. Там у меня очень хороший человеческий контакт с ним образовался, и очень много мы друг с другом говорили, и очень много я и научно и человечески полезное от него получил за границей” [4, с. 162].

¹⁵ Вернадский В.И. (1863–1945) – естествоиспытатель, мыслитель, академик с 1906 г. Тимофеев-Ресовский вспоминал: “Личные контакты с ним я имел сперва несколько раз до отъезда за границу, а затем довольно продолжительные за границей, дважды в Берлине. Первый раз, наверное, еще в 25–26 году, когда Вернадский через Берлин возвращался из Парижа и Праги, где он читал время от времени лекции по геохимии, а затем был участником русско-немецкой научной недели. Точно не помню, в 27-м или 28 году, в Берлине немецкая и советская Академии наук совместно устроили выступления тринадцати или пятнадцати русских, советских ученых” [4, с. 312].

¹⁶ Лазарев П.П. (1978–1942) – физик, биофизик, геофизик, академик с 1917 г., организатор Института биологической физики.

¹⁷ Вавилов Н.И. (1887–1943) – гениальный растениевод, биолог, генетик, академик с 1929 г. Репрессирован в августе 1940 г., погиб в Саратовской тюрьме 26 января 1943 г. Тимофеев-Ресовский вспоминал: “Когда он во вторую половину 20-х годов и до 34 года ездил в какие-нибудь командировки, заграничные или путешествия, то всегда ехал через Берлин, всегда встречался с нами и чаще всего ночевал у нас. Так что мы были в курсе всех вавиловских дел и очень много разговаривали, иногда спорили, а иногда просто, так сказать, соорали совместно на какие-нибудь темы до двух часов ночи, потом с шести утра продолжали, проспав четыре часа” [4, с. 340]. Во время допроса в ноябре 1940 г. Н.И. Вавилов отмечал:

“У ТИМОФЕЕВА-РЕСОВСКОГО (до 1933 г. имел советский паспорт) я был по его приглашению в марте 1933 г. в лаборатории и у него на дому. Работал он в институте мозга под Берлином, по специальности – генетик” [5, с. 333].

¹⁸ Филипченко Ю.А. (1882–1930) – биолог, генетик, в 1919 г. организовал кафедру генетики и экспериментальной зоологии в Петроградском университете.

¹⁹ Карпеченко Г.Д. (1899–1941) – цитогенетик, с 1938 г. зав. кафедрой генетики ЛГУ, репрессирован, расстрелян.

²⁰ Левитский Г.А. (1878–1942) – ботаник, цитолог, генетик, член-корреспондент АН СССР с 1932 г.

²¹ Тимофеев-Ресовский В.В. (1903–1938) – репрессирован, расстрелян.

²² Пономарева (Тимофеева) В.В. (1905–1996) – биолог.

²³ Серебровский Александр Сергеевич (1892–1948) – биолог, генетик, член-корреспондент АН СССР с 1933 г., зав. кафедрой генетики МГУ. Жибрак Антон Романович (1901–1965) – генетик, селекционер, зав. кафедрой генетики МГУ.

²⁴ Гращенков (Проппер-Гращенков) Н.И. (1901–1965) – биолог, нейрохирург, член-корреспондент АН СССР с 1939 г.

²⁵ Дубинин Н.П. (1906/1907–1998) – генетик, академик с 1966 г., основатель Института общей генетики АН СССР.

²⁶ Берг Лев Семенович (1876–1950) – географ, биолог, эволюционист, академик с 1946 г.

²⁷ Промтов Александр Николаевич (1858–1948) – биолог, орнитолог, член научного кружка С.С. Четверикова.

²⁸ Филатов Дмитрий Петрович (1876–1943) – эмбриолог, сотрудник Института экспериментальной биологии, с 1940 г. – зав. кафедрой эмбриологии МГУ.

²⁹ Огнев Сергей Иванович (1855–1951) – зоолог, профессор МГУ.

³⁰ Матвеев Борис Степанович (1888–1973) – зоолог, профессор МГУ.

³¹ Зенкевич Лев Александрович (1899–1970) – гидробиолог, академик, зав. кафедрой зоологии беспозвоночных биофака МГУ.

³² Роскин Григорий Иосифович (1892–1964) – цитолог, гистолог, профессор МГУ с 1930 г.

³³ Старший сын ученого Дмитрий погиб в концлагере Маутхаузен 1 мая 1945 г.

*Публикация и примечания
Я.Г. РОКИТЯНСКОГО,
В.А. ГОНЧАРОВА,
В.В. НЕХОТИНА*